

Игорь К. Архипов

Еще раз о "скрытых" значениях, или о том, почему слова - не ботинки

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 509-532

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Игорь К. Архипов
Санкт-Петербург

ЕЩЕ РАЗ О «СКРЫТЫХ» ЗНАЧЕНИЯХ, ИЛИ О ТОМ, ПОЧЕМУ СЛОВА – НЕ БОТИНКИ

Подобный немудрящий заголовок соответствует духу той непосредственности, с которой мы воспринимаем окружающий нас мир, а также часто той безответственности, с которой мы говорим о том, что видим и слышим. Начнем с того, что у ребенка, начинающего говорить, и у умудренного жизненным опытом академика нет иного простого метода познания, кроме сравнения. Мы понимаем, что мы видим (*discriminate*) предмет только потому, что он выделяется на фоне чего-то иного, и судим о его состоянии по изменению в нем, наблюдаемому по сравнению с предыдущим наблюдением (“What makes the living and the non-living very different from each other is their different relation to what is not, to what is absent. That which is alive has expectancies. Once dead, one does not expect; meaning is not a molecule, but a relation”¹).

Соответственно, ни ребенок, ни академик не могут подумать или говорить о чем-либо, что не было воспринято какой-либо системой органов чувств ранее. Образы всего «нового» и «невиданного» ими до сих пор собираются из образов элементов-признаков предметов, которые возникли у них в результате восприятия сигналов в прошлом. То, чем гении потрясают человечество, является на самом деле либо новой интерпретацией существующих конфигураций и комбинаций признаков предметов, либо интерпретацией новых конфигураций и комбинаций.

Что же касается адекватности восприятия предметов и их признаков, то есть его «качества», то оно всецело определяется устройством (конструкцией) органов чувств. Они в свою очередь устроены так, чтобы живой организм мог оптимально приспособиться к окружающей среде в каждый момент и, тем самым, выжить.

Поскольку в объективном мире нет ничего, кроме предметов и их признаков, и поэтому, как говорят философы и психологи, человек обречен

---

¹ K. Kull, *Biosemiotics: To know, what life knows*, „Cybernetics and Human Knowing” 2009, № 16 (3|4), p. 81, 87.

на «работу» с предметами, его естественной реакцией является склонность иногда видеть вокруг себя больше предметов, чем реально существующих. В силу свойственного человеку антропоцентризма всё непонятное, как правило, видится, прежде всего, как предмет или как признаки еще непознанного предмета. Ясно, что в этих условиях до положения, когда человек оказывается в окружении «предметов», которых на самом деле нет, остается сделать один шаг. Поэтому всё таинственное, находящееся за пределами своего тела, он охотно приписывает абстракциям (которых он таковыми, однако, не признает), например, – Богу или богам. И надо полагать не случайным тот факт, что они оказываются похожими на людей. Так полагал, в частности, Л. Н. Толстой, но при этом для усиления эзотерического эффекта «картинка» переворачивается и утверждается, что это человек принял образ Бога.

Еще одним существенным фактором познания является отношение личности к знанию и к своему, в частности. Хотя, в действительности, сама жизнь есть непрерывный процесс познания, составляющий ее содержание, индивидуальный жизненный опыт человека и поведение окружающих его людей подсказывают ему своеобразное видение проблемы. Мир представляется как кладезь непознанной информации, что не соответствует действительности. На самом деле, в нем нет (“pre-existing”) информации, «ждущей своего высвобождения»², потому что все знание (информацию) каждый человек создает для себя сам.

Итак, поскольку вместо процессов «скачивания» объективно существующей информации, отдельной личности приходится ее создавать самой, то статус ее «реальных знаний» и ее отношение к ним характеризуются следующим противоречием. С одной стороны, кавычки указывают на субъективную природу знаний субъекта. С другой стороны, он, как правило, упорно верит, что он «скачивает объективную информацию», и это дает ему уверенность в своем поведении: ему, как правило, кажется, что он знает. (“Man knows and his capacity to know depends on his biological integrity; furthermore, he knows that he knows”³). Однако объективность его знаний, как мы видим, предопределяется не механизмом познания, а устанавливается по соглашению, после экспертной оценки, которой мы доверяем (временно, пока она не сменится следующей такого же порядка). Кстати, в пользу такой объективности свидетельствует, хоть и косвенный, но существенный факт. Действительно, сам факт выживания

---

² G. N. Reeke, G. M. Edelman, *Real brains and artificial intelligence*, „Daedalus” 1988, №. 117, p. 143–174.

³ Humberto R. Maturana, *Biology of Cognition, Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. Urbana IL: University of Illinois*, in: *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*, Dordecht 1970, p. 5.

человечества на сегодняшний день является косвенным доказательством адекватности познания людей: они «правильно» воспринимают, правильно осмысливают и правильно реагируют на внешний мир.

В мире нет информации, однако мир постоянно оказывает материальные воздействия на тело человека. Какая-то часть из них в конкретной ситуации оказываются сигналами. Это значит, что хотя они не несут никакого содержания сами по себе, в данной ситуации они являются участниками события, а именно – стечения обстоятельств: 1) физическое воздействие 2) стимулирует 3) в определенном теле, 4) в определенное время 5) процесс оценки последствий воздействия для тела, то есть значение воздействия. Сигналами воспринимаемые механические воздействия становятся в тех случаях, когда (!) организм готов изменить свое состояние соответствующим образом. Следовательно, «имеют ли эти сигналы какие-то значения», оценивается телом в зависимости от того, в какой степени происходящие изменения состояния организма отвечают задачам приспособления его в данном месте и времени⁴.

Каков механизм формирования (семиозис) и природа значения можно понять на следующем примере. Поскольку значение не существует до того, как человек становится коммуникантом, начиная говорить или слушать, и оно возникает (*emerges*) как реакция на сигналы, вспомним свое внутреннее ощущение события-значения. Когда 1) кто-то смотрит вам в лицо, 2) держит за руку и 3) изменившимся голосом 4) говорит: «Я люблю тебя», ощущение и оценка этого состояния и есть значение высказывания, а, точнее, события – комплекса выражения смотрящего лица, интонации голоса, пожатия руки и эффекта прозвучавших форм слов. Значение сформировалось как догадка, поскольку подобный комплекс (события) уже был в жизненном опыте. Но о нем можно и догадаться впервые по другим косвенным сигналам – воспоминаниям общения с данным человеком, воспоминаниям о слышанных разговорах и рассказов на эту тему и т.п. Возникшее при этом волнение дает свои сигналы, подкрепляющие интуитивное знание на невербальном уровне.

1. Рассмотрим более детально роль слова как одного из используемых в данной ситуации сигналов, точнее, роль его формы. Она оказывает физические воздействия на организм наряду с другими предметами, такими как тембр и сила звука, интенсивность и конфигурация светового луча, сила, модальность тактильного контакта и др. Однако ее принципиальное отличие от значения становится ясным из следующего сравнения. Если молоко оставить на блюде в теплом помещении, то оно

---

⁴ J. Zlatev, *Meaning = life (+ culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning*, „Evolution of Communication” 2003, № 4(2), p. 3.

скоро превращается в простоквашу, а затем в беловатую пыль. Слово *молоко*, точнее, его форма в виде конфигурации линий, кружочков и кривых, написанных на бумаге, может сохраниться несколько дольше, то есть пока не истлеет бумажка. Итак, в определенных условиях со временем предмета становится меньше, он изнашивается и затем исчезает. Поскольку принято считать, что слово есть единство его формы и содержания, то, очевидно, и содержание слова изнашивается со временем и исчезает вместе с формой, хотя это нигде не уточняется. Вместо каких-либо исследований на эту тему существует обширная литература, ограничивающаяся констатациями аксиомы о «десемантизации» вспомогательных глаголов аналитических форм в германских языках (В. М. Жирмунский, 1965⁵, В. Н. Ярцева, 1965⁶, В. Я. Плоткин, 1989⁷, Л. М. Такумбетова, 2006⁸ и др.). В качестве «пояснений», (на самом деле, также аксиом) предлагаются явления под названиями «грамматикализация»⁹ и «выветривание» значений¹⁰.

Если критику предложенного подхода начать с содержания последнего термина, то его научная бездоказательность становится очевидной уже потому, что он не раскрывает суть процесса, так как является метафорой, то есть не более, чем намеком, открытым для неограниченного круга истолкований.

Далее, остается непонятным, в силу действия каких механизмов знаменательные слова теряют значение. Утверждения о «глобальном» действии тенденций «аналитизма» не отменяют необходимости демонстрации реализаций данного процесса на конкретном материале исторического развития соответствующих языковых единиц.

В-третьих, «продукты грамматикализации» не соответствуют статусу единиц грамматической системы языка. Так, с одной стороны, адепты данного подхода не заявляют об отказе от основополагающего статуса грамматической формы: «грамматическая форма – языковой знак, в котором грамматическое значение находит своё регулярное (стандартное)

---

⁵ В. М. Жирмунский, *Об аналитических конструкциях*, «Аналитические конструкции в языках различных типов» 1965, с. 5–57.

⁶ В.Н. Ярцева, *Проблема аналитического строя и формы анализа*, «Аналитические конструкции в языках различных типов» 1965, с. 58–69.

⁷ В.Я. Плоткин, *Строй английского языка*, Москва, 1989.

⁸ Л.М. Такумбетова, *Процессы десемантизации глаголов движения в современном английском языке*, «Аналитизм в языках различных типов сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н.Ярцевой. Мат-лы чтений памяти В.Н.Ярцевой» 2006, Вып. II, с. 111–116.

⁹ G. O. Curme, *Syntax*, Boston 1931, p. 20, 26; O. Jespersen, *Essentials of English Grammar*, London, 1952, p. 356.

¹⁰ Д.В. Сичинава, *Синонимия глагольных форм и аналитизм*, «Аналитизм в языках различных типов сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н.Ярцевой. Мат-лы чтений памяти В.Н.Ярцевой» 2006, Вып. II, с. 51.

выражение»¹¹. С другой стороны, как показано ниже, исследуемым единицам приписывают открытые ряды бессистемных значений – широкозначность, или эврисемия. Нестабильность значений «некоторых» (!) глаголов является следствием вариаций выражения «полной» или «неполной предикации», определяемой на глазок. Так, если ознакомиться с многочисленными примерами, то создается впечатление, что носители германских языков страдают спорадической аберрацией. Так, по мнению Г. Т. Поленовой, в выражениях *die Welt ist* и *hier ist mein Ausweis* глагол *sein* представлен как полнозначный («быть, существовать»), а в предложениях *die Tür ist geschlossen* и *mein Bruder ist gekommen* «можно фиксировать полную утрату глаголом *sein* своего собственного значения»¹². О достоверности подобных исследований «анализма» можно судить хотя бы по результатам Такумбетовой, которая объявляет лексическую полисемию, представленную парами субъектных и объектных глаголов (*to move vs. to move smb. to tears; to enter vs. to enter smb.'s life*), фазовые значения, конструкции *to be going to* в будущем времени и прочие конструкции с глаголом *to go* иллюстрациями десемантизации¹³.

Странно выглядит та легкость констатаций, с которой последователи «аналитического» подхода определяют языковой статус и семантику глаголов. Подробнее эта проблема будет рассмотрена ниже, а пока что подобные констатации можно объяснить двумя факторами, обуславливающими друг друга. Так, можно предположить, что явление «анализма» возникло в связи с тем, что исследователи просто не могли сформулировать системные значения соответствующих глаголов. Поэтому они стали приписывать глаголам открытые ряды бессистемных значений (см. выше). Это, в свою очередь, повлекло за собой тенденцию усматривать недоказанное реально происходящее «расширение», распространение анализма как по горизонтали – среди единиц конкретного языка, — так и по вертикали, то есть в различных языках мира. В частности, было обнаружено «аналитическое лексеобразование», «дающее холистическое описание глагольных единиц — носителей эврисемии»¹⁴.

¹¹ Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990, с. 116.

¹² Г.Т. Поленова, *Диахроническая типология глагола sein в составе немецких аналитических конструкций* «Анализм в языках различных типов сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н.Ярцевой. Мат-лы чтений памяти В.Н.Ярцевой» 2006, Вып. II, с.157, 159.

¹³ Г.Т. Поленова, там же, с.112–116.

¹⁴ И.В. Шапошникова, *Семантические и когнитивные аспекты анализма*, «Анализм в языках различных типов сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н.Ярцевой. Мат-лы чтений памяти В.Н.Ярцевой» 2006, Вып. II, с. 85, 87.

В качестве иллюстрации результатов подобной «экспансии» можно привести данные Т. Л. Бородиной – ученицы этого автора. Согласно результатам ее анализа, «в систему аналитических средств вербализации сферы «динамика деятельного состояния» (название исследуемой автором категории. – И. А.) включаются глагольно-глагольные лексемы, представленные глаголами (выделено мной – И. А.) *get* и *go*: *If he tried to get a laugh and it wasn't successful [...]; The children were too excited [...] and the merry little group went laughing up the stairs*¹⁵. Нетрудно, однако, показать, что глаголы *get* (*obtain as the result of effort or contrivance; cause to come or be provided*) и *go* (*step in a specified manner*), входящие в анализируемые словосочетания, полностью сохраняют в приведенных примерах специфику своих системных значений. Кроме того эти глаголы выполняют свои соответствующие синтаксические функции. Надо отметить, что ссылки на какую-то «семантическую усложненность ситуаций перемещения» субъекта, не подкрепляют позиции аналитизма. «Сложность» указанных ситуаций определяется всего лишь композиционными (*compositional*) конфигурациями описания глагольного действия и вектором его распространения: слова следуют друг за другом в соответствии с потенциалом (сочетаемости) каждого из них. Каждый из компонентов описывается полнозначным словом, рассматривать которые компонентами «сложных лексем» нет никаких видимых оснований.

Что касается печальной судьбы таких «вспомогательных» глаголов, как *be*, *have* и *do* английских «аналитических» форм, значения которых так же «выветрились», или «стерлись», как поношенные ботинки, то можно убедиться, что кроме аналогичных констатаций никаких исследований соответствующих исторических механизмов нет.

При отсутствии доказательств реальности десемантизации глаголов, а также признаков их формальной деградации (ослабления), естественно возникает вопрос: если в ходе исторического развития английского языка формы «не изнашивались», то почему же так бессистемно лихорадит интерпретацию их содержания коммуникантами – от полных значений до «ослабленных» в разной степени и, наконец, до полной потери лексического значения? Никаких исследований на эту тему также нет. Впрочем, это не удивительно. В 1960–1980 годы, когда создавалась концепция аналитизма, обсуждать, что предположительно происходит в головах коммуникантов, и, уж тем более, происходило в прошлом, считалось неприличным проявлением «субъективизма». Поэтому на

---

¹⁵ A.V. Kravchenko, *The semantics vs. pragmatics debate in the context of the orientational function of language*, „Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo” 2011, Tom 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne, p. 17–18.

данной стадии приходится вернуться к предположению, что все противоречия и «нестыковки» описываемой ситуации объясняются неспособностью сформулировать лексические значения обсуждаемых «вспомогательных» глаголов. Однако как вообще могла придти в голову идея, что морфема равная слову не имеет лексического значения? Если оставить в стороне морфы-окончания, хотя они, надо полагать, имеют значения на подсознательном (генетическом) уровне, то ведь словообразовательные аффиксы, частицы, предлоги и союзы имеют системные значения. Да, вывести некоторые из них действительно непросто на материале речи, доступном для наблюдения. Почему же об их «десемантизации» не идет речь? Авторы идеи аналитизма явно переоценили подозрительный факт «открытия» такого уникального явления.

Поскольку данная проблема может составить тему отдельного исследования, следует отметить лишь следующие подходы к ее решению. Его, очевидно, нужно искать не в речи, а среди абстрактных единиц уровня системы языка. Неоднозначное решение проблемы языкового статуса «вспомогательных» глаголов подталкивает исследователей к попыткам описания этого явления в рамках «широкозначности», или эврисемии. Однако анализ литературы оставляет впечатление, что само явление зачастую трактуется как своеобразная «мусорная корзина» языка, куда можно отправлять все непонятные или неопределенные семантические явления.

Рассуждая о «широкозначности», исследователи часто не замечают или не хотят замечать, что это в их анализе явление, характеризующее разнообразие речевых значений, ничем не отличается от полисемии.

Так, например, говорится о существовании «неких (?) отвлеченных от конкретного речевого акта «матриц», гештальтов, которые наполняются конкретным содержанием (разворачиваются, *are unfolded*) через синтаксис». Неограниченное расширение целого ряда аналитических лексических (?) моделей планируется показать на основе «некоей парадигмы образов, канонических ситуаций, основанных на пространственной манипуляции объектами, составляющими сферу жизнеобеспечения субъекта (человека действующего) [...]». При этом, помимо всего прочего, оказывается, что на самом деле «вспомогательные» глаголы (выступающие как «жертвы десемантизации») являются «носителями эврисемии», которые «несут в себе живую ткань опыта, в них присутствуют в свернутом виде (*enfolding*) определенного типа ситуации»¹⁶.

---

¹⁶ И.В. Шапошникова, *Семантические и когнитивные аспекты аналитизма*, «Аналитизм в языках различных типов сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н.Ярцевой. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой» 2006, Вып. II, с. 83–84.

Если пофантазировать по поводу представленных достаточно красочных перспектив развития аналитизма, то остается подозрение, что с помощью десемантизации и лексимизации словосочетаний делается попытка «втиснуть» сочетания глагольных форм, а на самом деле свободных словосочетаний, в «общую» схему глагольных парадигм по аналогии со стройными рядами (легитимных) синтетических форм. Когда это не очень хорошо получается, то подручным средством оказывается десемантизация. Для многих эту роль так же играет «широкозначность», и нетрудно догадаться почему.

Изначально понятие широкозначности сформулировала Н. Н. Амосова как «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение» в речи¹⁷. Это справедливо установленное условие «изолированности» сразу же вызывает реакцию отторжения у многих ученых. Ведь спокон веку считается, что в анализе полагаться можно только на изучение «объективного» материала речи, то есть слов в контексте. Приглашение отвлечься от этого уровня, оторвать глаза от текста и заглянуть в себя, в то, что знаешь вообще о данном слове, увлекает не каждого. Опасно, потому что непривычно. И то, что содержание языковых форм в реальности находится только в сознаниях индивидуумов, и что, только поговорив об этом друг с другом как о специфическом явлении, можно составить представления о единицах системы языка, не всегда сразу приходит в голову. Так же как и простая мысль о том, что содержание единиц речи и языка не может быть зеркальным. И прежде всего потому, что в каждой такой паре актуальное значение не перемещается (*does not shuttle*) по коду между уровнями туда и обратно, но выводится в каждом конкретном коммуникативном акте индивидуально.

Следует уточнить, что приведенное выше определение Амосовой полностью удовлетворяет статусу единиц, которые следует признать инвариантами, или «лексическими прототипами», поскольку каждая из них формируется индивидуальным сознанием на основе коммуникативного опыта, а исследователями выводится эмпирически на основе обобщения семантики ЛСВ соответствующего многозначного слова¹⁸. Принципиальное отличие узкой группы широкозначных единиц от инвариантов многозначных слов заключается в том, что значения первых неизменно равны самим себе как, на уровне языка, так и речи. Различие заключается

¹⁷ Н.Н. Амосова, *Основы английской фразеологии*, Ленинград 1963, с. 114.

¹⁸ И.К. Архипов, *Язык и языковая личность*, Санкт-Петербург 2008, с. 105–124.

лишь в том, обобщенные системные значения оформляются на уровне речи парадигмами склонения или спряжения.

В работах автора¹⁹ и Е. И. Малютиной²⁰ было показано, что на протяжении истории английского языка и в настоящее время формы анализируемых глаголов имеют следующие значения:

be ‘находиться в точке’ (to exist at a(n) (un)specified position

e.g. *She’s here* = *She exists here*

He was beaten up = *He existed at a/the location + state of having been beaten;*

have ‘иметь кого-либо или что-либо в своей сфере’ (to encompass (an) object(s) or a situation)

e.g. *I have 20 students in my class* = *I encompass +20 students in my class*

This class of 20 students has a lecturer = *this class of 20 students encompasses + a lecturer*

do ‘совершать действие’ (to perform a function (related to)

e.g. *Do in Rome as the Romans do* = *Perform your functions in Rome as the Romans perform theirs*

She has done her hair = *She encompasses + having performed a function related to her hair*

Данные Малютиной показывают, что те же недифференцированные значения ассоциировались с анализируемыми формами на протяжении зарегистрированного развития английского языка. Можно заметить, что смысл существования широкозначных глаголов наряду с лексемами, описывающими специфические действия, состояния и процессы, заключается в том, что первые выражают понятия о выполнении функции глагольного признака без уточнения его специфического характера. Так, например, можно приказать: *divide and rule* (“make sure that a common cause does not exist and maintain supremacy”), а можно сказать примерно то же с различной степенью детализации, употребляя глаголы, описывающие соответствующие «детали».

Следовательно, как раньше, так и теперь компоненты так называемых «аналитических форм» в действительности сохраняют статус полнозначных слов и входят в состав словосочетаний. Это совпадает с наблюдениями Э. Бенвениста, который констатировал сохранение лексического значения французским глаголом *avoir* в формах перфекта. Он полагает, что форма перфекта характеризует субъект как «обладателя

¹⁹ И.К. Архипов, *О лексических значениях глаголов широкой семантики (когнитивный аспект)*, «Номинация и дискурс. Межвузовский сборник научных трудов» Москвв 1999, с. 67-73.

²⁰ Е.И. Малютинна, *Глаголы широкой семантики в когнитивном аспекте (на материале истории английского языка)*, Автореф. канд. дис., Санкт-Петербург 2008, СПб.

осуществлённого действия», передаваемого причастием II²¹. Иными словами, высказывание типа *I have done it* следует понимать как «я имею в своей сфере это, сделанное мною» (актив). Такое прочтение подкрепляется четким противопоставлением включения в сферу субъекта чего-то, сделанного кем-то (*I have it done*) – «я имею это, сделанное кем-то» (бенефициант).

Именно благодаря тому, что в данной ситуации описывается субъект, имеющий в настоящий момент в своей сфере выполненное им действие, проясняется смысл загадочной фразы: «форма перфекта обозначает действие, результат которого ощущается в настоящее время» (ср. *the present perfect means 'past-time-related-to-present-time'*)²². В более полном и позднем издании данной работы о формулировке *past with current relevance* теми же авторами сказано, что она «является неадекватным описанием значения перфектного вида»²³. Надо полагать, что, используя форму настоящего времени *have*, носитель английского языка тем самым описывает наблюдаемую ситуацию (*encompass a/the situation*) как имеющую место «сейчас». Тем самым задается исходный временной план настоящего, и пресловутая «связь» с прошлым устанавливается уже с этой позиции.

Таким образом, признание значений «вспомогательных» глаголов «неопределенными», «меняющими свое содержание под влиянием контекста», или «стершимися» и поэтому «скрытыми» (то есть не ассоциируемыми стабильно с формами), может быть результатом неадекватного лексикологического анализа.

2. Причинами еще одной искусственно созданной проблемы – «стирания» или «выветривания» значений метафор – являются заблуждения либо небрежное употребление терминов. Говорить об этом следует для того, чтобы напомнить об ответственности исследователя. Звучит это, может быть, несколько высокопарно, но все-таки: почему бы в нашей «необязательной» гуманитарной науке, от провалов в которой никто не умирает, не последить за собой, как мы думаем в своей работе и «имеем ли мы свободу» говорить о ней и ее результатах как угодно?

Представляется необходимым в этой связи напомнить (или доказать?), что следующее определение метафоры (и любое другое, сохраняющее тот же дух) является единственно правильным: это –

---

²¹ Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, Москва 1974.

²² G. Leech, J. Svartvik, *A Communicative Grammar of English*, Moscow 1983, p. 48.

²³ R. Quirk, S. Göreenbaum, G. Leech, J. Svartvik, *A Comprehensive Grammar of the English Language*, London and New York 1985, p. 192.

троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-то отношении²⁴.

Однако, как это часто случается, за рамками определения (или аксиомы) остаются уточнения относительно как природы внутреннего механизма явления, так и условий, в которых он срабатывает. Речь идет о зависимости статуса метафоры от фактора «ощутимости», сохранении исходного образа или его утраты. Так, автор приведенного определения Н. Д. Арутюнова, двумя колонками текста ниже, приводит свое видение проблемы: «во всех случаях метафора в конечном счете стирается». Недостаток этого комментария заключается в его метафорической природе. Автор сама оказывается жертвой «семантической двойственности метафоры», которую убедительно описывает ниже. Она поясняет, что все семантические компоненты слов, участвующих в ее образовании, «не полностью представлены» в ее структуре [...]. Вследствие этого метафора допускает разные толкования²⁵. При этом остается не уточненным, «стирается» ли метафора «полностью» или четкость единого образа, лежащего в основе прямого и переносного значения, уменьшается.

В результате, в практике лексикологического анализа, когда «стершаяся» метафора оказывается противопоставленной «просто метафоре», остается непонятным: это — вообще метафора, или перед нами просто «плохая» (избитая, потерявшая образность и т. п.) метафора. Иными словами, метафоры явно «ведут себя» не так, как конкретные предметы. Так, например, если башмаки носят долго и они стираются, то по внешнему виду они менее похожи на «настоящие ботинки», но остаются ботинками.

Так происходит подмена понятий: природа метафоры подменяется оценкой ее частотности в речи. Арутюнова приводит убедительные примеры действительно редких метафор — *брильянты росы* и *тростники мачт*²⁶, — в которых «центральные» (*salient*) признаки брильянтов и тростников ярко ощущаются в значениях компонентов обеих пар, соответственно. Если же подобные признаки сравнить, например, в паре *этот цветок — роза* и *эта девушка — просто роза*, то не всякий решится произнести последнюю фразу в качестве комплимента, посчитав его «слишком банальным».

²⁴ Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990, с. 296.

²⁵ Там же.

²⁶ Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990, с. 297.

Может быть, что-то подобное наблюдается и во французской культуре (и во многих других тоже). Однако, согласно исследованиям²⁷, *роза* как троп используется во французской литературе, по крайней мере, лет 500. Казалось бы, пора уже ему истереться и исчезнуть, но не тут-то было. И объяснение этому очевидно нужно искать не в «некоей» большей устойчивости семантики французского слова по сравнению с русским, а в практике культуры страны. Вряд ли стоит сомневаться, что во Франции образы красивых лиц привычно сосуществуют с образами роз повсюду, и эта связь постоянно актуализируется на сознательном или подсознательном уровне. Так, композитор Ф. Мендельсон восхищался красотой итальянского быта XIX века и отмечал, что цветы и, в частности, розы – повсюду. Поэтому данная гипотеза, надо полагать, выглядит лучше, чем замшелые объяснения типа тех, что приходится слышать до сих пор: «потому, что так говорят»; «они запоминают» и т.п. Подобные отговорки ничего не объясняют и отражают непонимание того, где здесь причина и где следствие.

С другой стороны, поскольку слово *стирается* в цитате из текста Арутюновой написано без кавычек, то остается предположить, что ни о каком переносном значении речь не идет и в этих условиях метафоризации нет вообще: оба слова оказываются связанными отношениями катахрезы. Поэтому окончательный вывод, который мы должны сделать, очевидно, звучит следующим образом: «стершаяся метафора» не является термином, конституирующим специфический статус значения слова. Это словосочетание подобно *старому дому* на фоне понятия *дом*. Следовательно, существуют только метафоры, наследующие различные степени осязательности исходного образа, и не-метафоры, не вызывающие подобные ассоциации, то есть катахрезы.

3. Продолжим нашу печальную историю о «десемантизации» как инструменте решения практических задач лексикологического анализа и, в частности, семантики фразеологических единиц (ФЕ). Проблема была создана «логическим» развитием концепции Ш. Балли, который в данном вопросе сконцентрировался на явлении синонимии. Он обратил внимание, в частности, на то, что

словосочетания могут быть нестойкими, но в силу повторяемости они могут приобретать постоянный характер и даже образуют неразложимые единства [...]. Основными признаками (единств) являются следующие:

---

²⁷ Е. К. Никитина, *Проблемы эволюции образных средств во французском любовном сонете во второй половине XVI века*, Санкт-Петербург 2002.

тождественность всего выражения одному слову, забвение смысла составных частей (в частности, в выражениях сходных по форме), наличие лексических, семантических или синтаксических архаизмов, эллиптические конструкции и т.п. — языковые системы, то есть готовые обороты, пришедшие в обиходный язык из литературы²⁸.

Как можно убедиться, теория «эквивалентности» ФЕ слову была создана на основе наблюдений фактов синонимии слова и словосочетания. Однако ценность критерия синонимии, кроме как классификационного критерия, сомнительна. Действительно, в ряду синонимов — слова *буря*, предложения-описания бури или тревожных событий, абзаца или романа с таким же названием — в качестве специфического явления можно выделить только слово, так как только его содержание соответствует однословной форме. Р. А. Будагов в предисловии к работе Балли говорит, что «идентифицирующее слово для всего ряда синонимов [...] выступает как своеобразный логический эквивалент данного ряда», и тогда становится ясным, что данный анализ остается сугубо в рамках семантики. Сконцентрировавшись на ней, автор игнорирует как минимум два остальные основные параметра слова — формально-морфологический и синтаксический. Это могло быть объяснением мнения Будагова о том, что «не всегда методика идентификации, предложенная Балли, достаточно убедительна и объективна»²⁹.

Более того, утверждение относительно «забвения смысла составных частей» ФЕ не было подтверждено никакими исследованиями автора ни в синхронии, ни в диахронии. И приходится удивляться, что этот вопрос не поднимался до сих пор. Так же расплывчато звучит фраза о «выражениях сходных по форме» в то время как, за ними могут стоять самые разнообразные и часто непредсказуемые смыслы.

Итак, согласно теории фразеологизации, самым общим признаком фразеологического оборота является возможность или невозможность заменить его одним словом. Понятно, что описываемое явление основано на синонимии и это не вызывает вопросов. Ясно, что, пары типа *to draw / pull a / the long bow — to exaggerate; to shake a leg — to hurry; to split hairs — to quibble* и др. представляют две разновидности идентичных ситуаций. Хуже другое, а именно, то, что наличие признака, выражаемого одним синонимом-словом, постулируется в качестве содержания и показателя внутренней целостности фразеологизма. Такая точка зрения как минимум пренебрегает постулатом диалектики, согласно которому форме каждой

²⁸ Ш. Балли, *Французская стилистика*, Москва 1961, с. 87–88.

²⁹ Там же, с. 11–12.

сущности соответствует определенная структура содержания, и наоборот. Поэтому проблема, стоящая перед адептом фразеологизации за наблюдаемым противоречием, носит чисто практический аспект: «куда девать» формы слов-компонентов и их значения? Как можно убедиться, ее «решают» на основе недоказанного «семантического единства», игнорируя всё остальное.

Подобная неконструктивная позиция еще усугубляется на современном этапе использованием ее сторонниками безнадежно устаревшей позиции, согласно которой слова и фразеологизмы вносятся в речь как «готовые обороты»³⁰, о чем шла речь выше. Ясно, что в подобных случаях противостояние языка как имманентной сущности человеку торжествует. Готовые единицы, то есть предметы, которые, естественно, всегда остаются равными себе, лишь «используются» коммуникантами по мере надобности. Это может кому-то казаться прекрасным решением, но только оно не объясняет по какому механизму, слова, имеющие стабильные значения, оказавшись в рамках фразеологизма, «на минутку» теряют их и приобретают их снова «по выходу из временного кризиса», связанного с произошедшим актом «фразеологизации». Сторонники десемантизации не заботятся о том, чтобы дать этому странному явлению объяснение и дружно «оседлывают любимого конька» – «выветривание» значений, якобы всегда происходящее в ходе истории языка. В действительности же, невозможность вывода значения ФЕ на основе значений компонентов имеет место только в исключительных условиях формирования сращений (*pseudo idioms*), о которых речь пойдет ниже.

А пока что оказывается, что за признаниями принципа «слово есть единство формы и содержания» часто стоят достаточно, так сказать, «приземленные» интерпретации, смысл которых, грубо говоря, сводится к пониманию соотношения формы слова и его значения подобно бутылке с водой. Если попросить уточнить детали, то, вероятнее всего, вам скажут, что вы мыслите примитивно, но более подробных объяснений не ждите. Более того, объяснений, как значение крепится *в* или *на* той или иной форме, нет нигде³¹. Согласно сложившемуся стереотипу, это – «закрытый» вопрос: это – «так и все говорят так»..

В действительности же, люди говорят так благодаря каждодневным наблюдениям процессов, когда один коммуникант говорит, а другой

---

³⁰ Ш. Балли, *Французская стилистика*, Москва 1961, с. 88.

³¹ См. также: А. V. Kravchenko, *The semantics vs. pragmatics debate in the context of the orientational function of language*, в: *Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka. spór o pierwszeństwo. Tom 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne*. Pod red. A. Kiklewicza, Olsztyn 2011, p. 12.

понимает в результате обмена словами. Кроме того, ученые объясняют, что при этом перемещаются колебания воздуха, которые, следовательно, и переносят значения. Эти наблюдения подводят обыденное сознание к выводу о том, что содержание находится в формах написанных слов. Так, когда я сказал, что этого на самом деле не происходит, коллега-лингвист ответила: «Что ж он тогда читает?»

А теперь представим, что кто-нибудь из участников международной лингвистической конференции, обворожительно улыбаясь, говорит хорошенькой англичанке: *you really stabbed me in the back at the last session, имея в виду you betrayed me on that issue but it doesn't matter after all.*

Согласно теории фразеологизации, то обстоятельство, что смысл, выражаемый одним словом, в другой ситуации передается комбинацией совершенно иных слов, объясняется десемантизацией всех этих слов и заменой их одним словом. (Наиболее шокирующую форму данное «доказательство» принимает в ситуациях, когда с серьезным видом объясняют это тем, что именно так фразеологическая единица переводится на русский язык). Этот подход предполагает, что во время произнесения фразеологизма нормальный носитель языка «на минуточку» забывает значения слов.

Следует обратить внимание на то, что в подобных случаях возрождается концепция изменения значения «под влиянием контекста», несостоятельность которой почти полвека назад доказал С. Д. Кацнельсон: все изменения значения осуществляет говорящий, который строит контекст таким образом, чтобы просигнализировать слушающему, какой смысл надо вывести³².

Однако наш современник, сторонник критикуемой здесь теории, новгородский ученый В. В. Иваницкий настаивает на своем:

[...] Семантика слов, входящих в состав фразеологизмов, неизбежно (!) подвергается переосмыслению на основе смысловой солидарности (?), «фразеологической связанности» компонентов. [...] Становление фразеологизмов (от фразеологических выражений до сращений) сопровождается десемантизацией их компонентов³³.

³² С. Д. Кацнельсон, *Содержание слова, значение и обозначение*, Москва – Ленинград 1965, с. 50–55.

³³ В. В. Иваницкий, *О процессах десемантизации в лексике и грамматике (на материале русского и шведского языков)*, «Аналитизм в языках различных типов сорок лет спустя, К 100-летию со дня рождения В. Н. Ярцевой. Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой», Москва 2006, с. 104–105.

Как «добывается истина» такими методами можно убедиться на следующих примерах. Так, автор утверждает, что в следующем контексте:

Донн уснул...

Уснули стены, пол, постель, картины...

«глагол не изменяет своего значения³⁴, [...] меняют свои значения слова конкретной семантики»³⁵, то есть *стены, пол, постель, картины*. Как их надо понимать и по каким механизмам это происходит, автор не сообщает и в качестве «доказательств» приводит иллюстрации «неизбежных» трансформаций. При этом Иваницкий не объясняет, он просто верит в

семантическую иррадиацию. Она связана с распространением значения (?) за пределы его лексикографического описания. В результате этого нередко (?) возникает контаминация значений разных слов или устойчивых словосочетаний [...]. Семантическая иррадиация нередко (?) приводит к развитию у слова, подвергшегося смешению (?), нового значения. Так, недавно глагол *precisera* ‘точно определять, уточнять’ приобрел (?) новое значение, носителем которого является глагол *kvalificera* ‘квалифицировать, определять’³⁶.

Напротив, «благодаря семантической конденсации, например, в случае эллипсиса «*Большой*» вместо «*Большой театр*», «часть словосочетания, опорное слово вбирает, «впитывает» (!) (как ботинок воду из лужи, добавим от себя. – И. А.) семантику отсутствующей части, подразумевая ее наличие»³⁷.

Иначе эти проблемы решают когнитивисты биосемиотического направления. Как уже упоминалось выше, они изучают язык как процесс использования коммуникантами таких сигналов, как формы слов, интонация, жесты, поведение тела и т.п. Сигналы сами по себе не несут содержания, однако, самим фактом их присутствия или отсутствия ориентируют сознание партнеров на создание нового знания, то есть значений.

Соответственно, и информация – отнюдь не предмет, над которым мы можем проделывать различные операции по перемещению в пространстве, но процесс уменьшения степени неопределенности при встраивании организма в среду. В случае языковой коммуникации эта неопределенность

³⁴ Там же, с. 104.

³⁵ Там же, с. 108.

³⁶ Там же, с. 109–110.

³⁷ Там же, с. 110.

обусловлена спецификой поведения общающихся индивидуальных организмов, которое в свою очередь предопределено спецификой («структурой») каждого из них. В частности, в биологической теории познания под информацией понимается деятельность ориентирующего характера, модифицирующая поведение ориентируемого организма³⁸.

В результате, в зависимости от этих условий в теле коммуниканта возникает, затухает или остается неопределенным состояние, соответствующее поступающим сигналам (то есть наблюдаемому речевому поведению партнеров). Их значения оцениваются в зависимости от соответствующей необходимости организма приспособиться к среде. Подобные связи (*concomitances*) запоминаются и служат отправной базой дальнейшего языкового поведения коммуниканта в будущем. Поэтому если разговоры идут о театре или театрах, то упоминания слова *Большой* достаточно для правильного понимания. Тот же механизм действует и в английском языке, на котором этот театр практически иначе и не называется (*Bolshoi*). Вот и весь механизм, который осуществляется действиями коммуникантов на основе их знания о мире и языке, а не взаимодействиями слов-предметов. Поэтому посмотрим, что происходит, когда слово есть, а коммуникант его не знает и слово-предмет тем самым не может ничем помочь предмету-человеку.

Считается, что фразеологизмы характеризуются «связанным» значением и их форма и содержание как бы застыли (*are frozen*). Однако в действительности в полной мере данный признак характеризует только «сращения», или «ложные идиомы» (*pseudo idioms*) по терминологии А. Маккай³⁹. В отличие от русских классификаций, проводящих данное разделение на основе «степени мотивированности», которое, по справедливому замечанию Н. М. Шадрин, не может не вызывать возражений, так как «не опирается на объективно существующую пороговую величину» ее⁴⁰, американский автор устанавливает статус ложных идиом по критерию включения в ФЕ «обычных или редких» слов.

Например, значение первого слова фразеологизма *kith and kin* (*friends and relatives*) для обыденных носителей современного английского языка остается закрытым, потому что слово устарело (причастие II *cýþ* древнеанглийского глагола *cunnan*), в то время, как «известные всем» значения компонентов фразы *spick and span* вообще никак «не

³⁸ H. Maturana, *On the misuse of the notion of information in biology*, „Journal of Social and Biological Structures” 1983, nr. 6, p. 155–158; А. В. Кравченко, *Значение и коммуникация как лингвистическая проблема и корни ее непонимания*, «Acta Neophilologica» 2011, № 13, с. 7.

³⁹ A. Makkai, *Idiom Structure in English*, 1972, p. 123.

⁴⁰ Н. М. Шадрин, *Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика*, Саратов 1991, с. 37.

складываются» в значение ‘absolutely new or fresh; particularly neat and clean’. Именно поэтому значения этих ФЕ связанные, их невозможно вывести из компонентов и данные единицы заучиваются наизусть.

Зависимость осмысления ФЕ от географического ареала демонстрирует функционирование словосочетания *to kick the bucket*. В северных районах Англии *bucket* – *a beam or yoke on which anything may be hung*. На подобную балку в хлеву подвешивают связанную за ноги свинью, чтобы зарезать ее. Когда ее ударяют ножом, она бьет ногами (*kicks*) по балке и (при этом) умирает. Данная метонимическая фраза обозначает «удары» по балке ногами и «умирание» по смежности процессов. При перенесении этого свободного сочетания, состоящего из слов в прямых значениях, на описания смерти в других обстоятельствах, оно идиоматизируется и переосмысливается коммуникантами на основе сходства описываемых процессов. Для оценки реального статуса этой фразы необходимо учитывать тезаурус коммуниканта: если он знаком с исходной ситуацией, происходящей или происшедшей в северной Англии, то она для него – свободное сочетание или идиома. Во всех остальных случаях это – сращение, или ложная идиома. При этом следует иметь в виду, что в данном случае коммуникантов часто сбивает с толку наличие широко известного в сельском хозяйстве предмета – ведра – под названием *bucket* – *a round open vessel with a handle, for use when drawing water* etc. Оно подсказывает неверный «ключ», уводящий в сторону.

Но вернемся к анализу ФЕ *to stab in the back*, включающей слова, известные всем. Естественно, что она соотносится с соответствующим свободным словосочетанием, описывающим преступное нападение. Поэтому нетрудно, например, предположить, что однажды в какие-то прежние времена банкиру, беседовавшему в кругу коллег, пришла мысль ярко и экспрессивно выразить свое отношение к поступку одного из присутствующих. Ему захотелось сказать что-то посильнее, чем простую констатацию: *you betrayed me on that deal*, и он произнес те слова, которыми описывали убийство у ворот порта, предмет разговоров в городе в тот день. Он решил описать обсуждаемую ситуацию, не связанную с орудием насилия, используя слова *to stab in the back*, возможно, еще и потому, что слышал это неоднократно по другим поводам. Уподобляя предательство удару ножом в спину, банкир отдавал себе отчет в том, что он говорит «что-то не то», что не соответствует действительности. Но это его не смущало: будучи нормальным, развитым носителем языка, он знал по своему коммуникативному опыту, что почти обо всем можно сказать с помощью таких моделей переносного смысла, как *like*, *as if*, *as though* и т.п.

Он знал, что подобные лингвистические продукты, называемые «секретами Полишинеля» (*social lies*)⁴¹, пользуются успехом — благодаря такому безответственному, но удобному способу описания в головах людей возникают самые разнообразные картины. Он знал, что кажущаяся не соответствующей теме разговора фраза будет воспринята с учетом макроконтекста беседы, исключавшего какое-либо нападение с ножом. Поэтому он рассчитывал, что в сознании его слушателя, говоря метафорически, «зажжется красная лампочка», сигнализируя о возникновении условий, ведущих к коммуникативной неудаче (*infelicity*). Однако и это не смущало говорящего, так как он знал своего партнера как адекватного коммуниканта. Он рассчитывал на то, что тот догадается применить запасной, в таких случаях, ход, а именно, интерпретацию по механизму «как если бы». При этом он был уверен, что партнер не будет перебирать все возможные ассоциации сходства двух ситуаций, но тотчас установит самую вероятную связь между намеком на удар ножом и тем, что произошло между ними в связи с той сделкой, и выведет правильный смысл.

Поскольку мы встречаемся с этой фразой сегодня, то очевидно так всё и прошло по накатанному сценарию формирования переносных смыслов, имеющемуся в распоряжении миллионов. Удавшийся «эксперимент» понравился его участникам, и кто-то из них повторил или повторял это высказывание. Оно звучало свежо и необычно как идиоматичное, потому что его использовали в случаях «столкновения двух миров» — реального и выдуманного — на основе кажущегося сходства.

В итоге, возможность использования такой переключки двух миров, растиражированная языковым коллективом, дошла до нас. Однако весьма вероятно, что описанный здесь сценарий создания идиоматической единицы (метафоры) был самостоятельно разыгран в разных уголках англоязычного мира, в разное время, разными шутниками. Поскольку форма понравилась не только авторам, но и тем, кто ее охотно повторял в неизменном виде, то словосочетание стало фразеологической единицей. Стала ли она «готовой к употреблению» и хранится ли в долговременной памяти, как об этом часто говорят, неизвестно. Если подобные проблемы обсуждать в свете новых взглядов на природу и функции языка, то некоторые существующие формулировки «языка», «единицы языка» и т.п. придется как-то совместить с тезисами о том, что нет ни «готовых единиц», ни «готового языка», но есть язык, всегда создаваемый здесь и сейчас. Ср. “coordinated semiotic behavior of humans in a consensual domain (1). Langu-

---

⁴¹ L. Coleman, P. Kay, *Prototype semantics: the English word lie*, „Language” 1981, № 57, p. 28.

aging is behavior that arises in a consensual domain of interactions (4). Speech is dynamic behavior distributed across time, space and bodies (7). Semiosis is a process of sign generation and use in which experientially present phenomena are interpreted as referring to other, experientially absent, phenomena, thereby becoming meaningful entities, or signs (лат. *signum* 'mark')" (10)⁴².

И поскольку язык творится *on-line*, для коммуниканта в этой единице живо значение каждого слова и именно по этой причине при «приложении» ее к различным неконвенциональным ситуациям в индивидуальных сознаниях высекаются новые разнообразные оттенки юмористического смысла, как, например, в игривой реплике обиженного докладчика, приведенной выше. Эти механизмы языковой игры, построенной на «прозрачном обмане», прочно укоренены в психике обыденного сознания и их описание, очевидно, не случайно размещается на 237 страницах трактата З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному»⁴³.

В заключение обсуждения механизма фразеологического семиозиса следует вернуться к его особенностям у сращений и при этом отдать предпочтение термину «ложные идиомы». Во-первых, нельзя не согласиться с критикой неопределенности степени структурной и смысловой связанности сращений. Во-вторых, опора на критерий не/включения слов с устарелыми или неизвестными значениями для определения статуса ФЕ как на наблюдаемый признак существенно улучшает качество анализа. Кроме того, по обратной связи, этот подход проливает свет на само содержание понятия «идиоматичный».

Существует два подхода к этому понятию. Один из них сводится к представлению о том, что, с точки зрения системы языка, значение фразы или высказывания линейно-суммативно: оно складывается из суммы значений слов, выводимой слева направо. Отклонением от него, или «идиоматичностью» является «отсутствие полного параллелизма между значением целого и значением компонентов»⁴⁴. Хотя речь и идет о семантике, данное определение следует признать абсолютно формальным и опять же опирающимся на волюнтаристскую трактовку соотношения формы и содержания. Оно, естественно, справедливо относительно только онтологически и синтаксически корректных высказываний, но в остальном недвусмысленно «спрямляет» мышление. Уже только по этой причине данный подход имеет мало шансов соответствия реальности.

---

⁴² A.V. Kravchenko, *Grammar as semiosis: defining a new agenda* (in press).

⁴³ З. Фрейд, *Остроумие и его отношение к бессознательному*, «Я и Оно» 2005, Москва – Харьков, с. 13–250.

⁴⁴ *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, с. 465.

Казалось бы, «более либеральный» подход, указывающий на «невыводимость значения фразеологизма из «прямых» значений составляющих его слов и его синтаксической конструкции»⁴⁵ на поверку так же не выходит за пределы представлений о языке как о «самоорганизующемся» взаимодействии конструкций и сем. Бесперспективность подобных исследований обусловлена игнорированием тех реальных когнитивных механизмов семиозиса, которыми широко пользуются носители языка: они просто знают все, что им надо знать о словах их языка, и всё, что с их значениями делают и можно делать. Они так же знают, что в мире есть, и чего нет, а также, как в подобных ситуациях можно говорить, казалось бы, бессмысленные вещи, которые, однако, осмысляются на разумной основе. Они знают, как «сталкивать» в своем сознании мир реальности и мир фантазий. Именно для этой цели существуют идиомы – фактами своей «неправильности» эти фразы подсказывают правильные выходы из таких «столкновений».

Следует также напомнить, что идиома – не просто набор нарушений – она «основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или на широко известном в данной культуре (выделено мною. – И. А.) речении [...]»⁴⁶. Но «работает» подсказка только до определенных пределов, а именно, до тех пор, пока каждое слово фразы понятно: за этими пределами – ложные идиомы, или сращения.

Из всего сказанного выше, можно сделать следующие выводы относительно «новаций» аналитизма и фразеологизации, призванных «улучшить» аксиому фундаментальных отношений формы и содержания языкового знака. Обращает на себя внимание тот факт, что их авторы, «идут дальше», не замечая этого. Они так же не замечают, что предлагаемые ими формы отношений несостоятельны, поскольку оказываются каким-то ущербным «пара-единством» формы и содержания знаков. Напомним, что отсутствие значения или его выход за пределы системного значения («лексического прототипа»)⁴⁷ свидетельствуют о выходе слова из словарного состава или омонимии, соответственно. Представление о форме без значения или о значении, не связанным с сигналом, есть нечто за пределами языка, понимаемого как «неоднородный набор артефактов и практик, становящихся в процессе онтогенеза неотъемлемой частью человеческой деятельности»⁴⁸, направляемой коммуникантами на взаимную ориентацию для создания или интерпретации значений, то есть языка.

⁴⁵ Там же, с. 559.

⁴⁶ Там же, с. 559.

⁴⁷ И. К. Архипов, *Язык и языковая личность*, СПб 2008, с. 105–124.

⁴⁸ А. В. Кравченко, *Когнитивный горизонт языкознания*, Иркутск 2008, с. 222.

В данной работе продолжена дискуссия о «скрытых» значениях и она, в частности, надо полагать, указывает на источник проблемы, а именно, – использование терминологии, вводящей в заблуждение. Так, в действительности, все знание и все значения всегда скрыты в недрах человеческого тела от наблюдения извне, то есть имплицитны. Непонимание этого и уверенность в существовании информации *a priori*, то есть до процесса познания в конкретном акте коммуникации (*pre-existing information*), а также в том, что физические формы выдают или передают значения коммуникантам непосредственно, привело к неправильной трактовке слова «эксплицитный». Разница в терминах заключается в том, что при использовании большинства слов коммуникант ассоциирует (обращает внимание, запоминает) актуальные значения в связке с используемыми языковыми формами. Такие единицы называются «эксплицитными» в результате повседневных наблюдений, что при их появлении коммуниканты «понимают (что-то)». При этом кажется, что каждой форме соответствует определенное значение, и наоборот. Ср. *explicit – distinctly expressing all that is meant*.

Однако коммуниканты обращают внимание и на случаи, когда в их сознании возникают смыслы, которые не соотносятся непосредственно ни с одной из представленных в высказывании форм. Тогда коммуниканты отдают себе отчет в том, что в этих условиях приходится догадываться о смысле всей ситуации. Вместо «забора готовых значений» из форм, смысл ситуации выводится ими на основании «всего», что они знают о ситуации, о мире и т.п. и о способах соответствующего описания с помощью языка. Концепт, описывающий ментальные действия коммуниканта с помощью глагола *to imply – involve as a necessary consequence; involve the truth or existence of (a thing not expressly asserted; express indirectly)*, или прилагательного *implicit – able to be inferred*, относится к элементарным компонентам смысла (*atomic predicates*), выводимых из сочетаний слов на основе картины мира⁴⁹. В результате, хотя существует единственный механизм вывода (догадки) смысла на основе сигналов, обыденное сознание воспринимает эксплицитные смыслы как единицы кода с фиксированным (1:1) соотношением формы и содержания, что не соответствует действительности⁵⁰.

Основной посыл данной работы видится в том, чтобы представить природу слов и их значений как продукты деятельности человеческих

---

⁴⁹ L. Lipka, *An Outline of English Lexicology: lexical structure, word semantics, and word-formation*, Tübingen 1992, p. 118.

⁵⁰ M. J. Reddy, *The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language*, in: *Metaphor and Thought* (2nd ed.). Andrew Ortony (ed.), Cambridge, Mass. 1993, p. 164–204.

организмов, функционирующих в реальном времени и пространстве, в противопоставлении концепциям о словах и значениях как об абстракциях, либо, наоборот, предметах. Значение этого противопоставления не ограничивается стремлением к чистоте теории. Так, при внимательном анализе лексическая полисемия, то есть существование языковых форм с несколькими значениями, оказывается в явном противоречии с диалектическим тезисом о единстве формы и содержания предмета, что, похоже, никогда не привлекало внимания лингвистов.

Однако на поверку так понимаемая полисемия оказывается аксиомой, не подкрепленной никакими эмпирическими данными. В действительности, поскольку актуальная форма оказывается сигналом для конкретного организма в реальный момент времени, то она, естественно, стимулирует в нем (одно) конкретное состояние, оцениваемое как (одна в данный момент) реакция-актуальное значение слова. Что же касается «лексической полисемии», или «значений многозначного слова», то в реальности этому явлению соответствуют воспоминания о состояниях, сопрягавшихся с фактами ассоциирования данной формы с разными значениями, формировавшимися по тому же механизму в различных контекстах, в различные моменты времени. Именно память о том, что «такие факты были», но не «склады» запомненных значений и контекстов⁵¹, создает у языковой личности уверенность, что она владеет полным знанием о слове. Однако память о чем либо, как известно, есть не более, чем абстракция.

Следовательно, выделение дихотомии «скрытых» и «эксплицитных» значений непродуктивна. Во-первых, будучи производной от представления о языке как о коде, она уводит в сторону от реального положения дел, при котором одной форме может соответствовать в разных сознаниях в разное время разные значения. Во-вторых, исходя из тезиса 1, она игнорирует реальное положение, когда большинство выводимых коммуникантами смыслов сопровождается актуализацией одних и тех же соответствующих форм, а остальные выводятся ими с опорой на комбинации таких форм. Таким образом, использование термина *скрытый* привносит ненужный оттенок таинственности генезиса значений последнего типа.

---

⁵¹ А. А. Брудный, *Значение слова и психология противопоставления*, «Семантическая структура слова» 1971, с. 19-27; А. В. Кравченко, *Когнитивный горизонт языкознания*, Иркутск 2008, с. 222; J. Aitchison, *Words in the Mind: An introduction to the mental lexicon*, Oxford 1987.

More on “Implicit” Meanings, or Why Words Are Not Shoes

According to the theory of biology of cognition, meaning is not a thing attached to its form. Hence, the available accounts of “desemantization” of analytical forms of English verbs, metaphors and set phrases appear to be essentially metaphorical and, therefore, do not meet the standards of analytical procedures. When a study of wordings is conducted with a strict observance of language/discourse dichotomy, all actual meanings can be traced to the experience of languaging (“living in language”) (H. Maturana) of an individual speaker as their only source. Wordings are used as signals to inference meanings – either, according to the 1:1 correspondence to “their” forms (“explicit”), or by relying on combinations of forms of co-occurring words (“implicit”). This superficial difference masks the identity of semiosis in both cases. Our results show that systemic meanings are instrumental in lexicological analysis. They are generally to be accessed empirically because they occur rarely in discourse.